

— Тут у нас ещё один вопрос,— сказал председатель, вставая.— Самоченков!

— Есть!

Самоченков, малый лет двадцати пяти, сидел на корточках возле порога, но, услышав своё имя, встал и прислонился к косяку.

— Ты чего с колхозной картошкой сделал? Ну-ка, расскажи нам.

Самоченков снял с головы старый овчинный малахай и потупился.

— Ты чего молчишь? Иль язык проглотил? Куда картошку дел? Рассказывай!

Мерлушка на малахае сваялась сосульками и легко выщипывалась. Самоченков выдёргивал шерсть, скатывал её в комочки и бросал на дно малахая.

— Что, стыдно стало?

Самоченков тяжело вздохнул и ещё ниже склонился над малахаем.

Члены правления, как по команде, повернулись от стола к Самоченкову и тоже молчали.

— Ну, тогда я сам доложу,— сказал председатель.

Он вынул из папки квитанцию и высоко потряс ею в воздухе:

— Можете полюбоваться!.. Значит, Самоченков возил колхозную картошку с поля на спиртзавод... И одну машину записал на своё имя. Получил он за это сто восемьдесят семь рублей. Ты с целью это сделал или без цели? Отвечай!

— Нет... я без цели.

— А как же?

— Просто так.

— Перепутал колхозную картошку со своей?

— Да.

— А деньги где?

— Пропили.

— С кем?

Молчание... Только шерстяные шарики падают на дно малахая.

— А может быть, ты взял картошку всё-таки с целью присвоения?

— Нет, я без цели.

— Но ведь деньги ты получил?

— Получил.

— Так что же ты думал?

Молчание.

— Взял просто так?

— Ага.

— Товарищи, я всё-таки считаю, что мы тут должны выяснить: с целью взял он картошку или без цели? И решить со всей сурьёзностью этот вопрос.

Председатель был важен и величав, в чёрном шевиотовом френче, пуговицы надраены, блестят, как золотые... Только ещё погон не хватало. Он строго посмотрел на членов правления. Теперь все повернулись к нему и также смотрели на председателя решительно и строго.

Лишь один Самоченков не поднял головы, он всё дёргал мерлушку, скатывал шарики и бросал их на дно малахая.

Встал колхозный счетовод Иван Иуданович, сухой и погибистый старик, вынул из кармана зелёный клеёнчатый

футляр, открыл его на манер протабашницы, постучал им о ноготь большого пальца, но очков не надел.

— Товарищи, это не то что как-нибудь, а взято с целью... — он подозрительно поглядел на Самоченкова и добавил: —...то есть с целью воровства. За это надо руки сечь. В старое время за такое по головке не гладили. Помните, как у нас в двадцатом году Зюрю-конокрада убили? Ты, Иван Ларивоныч, ещё маленьким был. А ты, Матвей Матвеевич, должен помнить. Как раз у твоего отца Зюзя лошадь угнал. Да кладовую обчистил у Вани Бородина. А потом его в Пугасове в Ванином костюме видели. Наши самодуровские его признали. Он убёг. В лугах хоронился. А в Свистунове о ту пору матрос отдыхал. В полном обмундировании. Пошёл он в луга за смородиной — и маузер на ремне. Увидел его Зюзя — да бежать. Тот: «Стой!» — кричит. Пальнул вверх — Зюзя и растянулся со страху. Привёл его матрос к нам в село... Кто-то в набат и ударь. Сбежались мужики с цепами — на одоньях как раз рожь молотили. Окружили Зюрю... А он эдак вот, вроде Самоченкова, в землю смотрит. И Ванина рубаха на нём... «Бейте его, ирода!» — скрычал Бородин. Твой отец, Матвей Матвеевич, как ахнул его по голове калдаей цепы. Зюзя — с ног. И пошла молотьба... До смерти его цепами замолотили. Вот какая ревизия.

— Сказано, на рога полезешь — на рожне и останешься.

— Это правильно. Одно слово — диктатура пролетариата...

— Но, товарищи, мы живём не в старой России, а в новом обществе, — продолжал, передохнув, Иван Иуданович, — значит, и поступать мы должны по-новому. Перевоспитывать. В ногу идти, как в газетах пишут. То есть возьмём Самоченкова на поруки, поскольку он первый раз увёз машину картошки. И не осознал как следует своего проступка. А так как он ещё не осознал всю ответственность, нельзя считать, что взял он картошку с целью...

— Правильный сделал вывод из словесных показаний Иван Иуданович, — поднялся вслед за счетоводом парторг Настенкин, бывший районный прокурор. — Если исходить из словесного определения, то нарушение законности налицо. Но, товарищи, слово к делу не пришьёшь. Для установления умышленного воровства ещё недостаточно одной накладной. Нужны свидетельские показания. А главное — установить причину факта самого воровства. Вот в чём суть! — Настенкин говорил горячо, высоко запрокинув острый подбородок, глядя в потолок, и пальцем грозил кому-то, как будто бы его противник затаился там, на

чердаке. — Стало быть, мы подошли к первопричине — учёт у нас плохо поставлен. Вот в чём гвоздь! В самом деле, увезли картошку прямо с поля, сдали на завод и деньги получили... А мы с вами узнали об этом только полгода спустя. Да и то по ревизии. Кого же винить в плохом учёте? Самоченков здесь ни при чём. Бригадир тоже нельзя во всём винить. Он и так работой перегружен. А виноваты мы сами — учёт не наладили. Вот почему я считаю, что нарушение законности было, но сделано не с целью. Предлагаю Самоченкова взять на поруки, то есть вынести ему общественное порицание, а учёт в бригадах укрепить.

— Вопрос бригадиру имеется! — порывистый, лупоглазый председатель ревкомиссии, который откопал эту злополучную накладную, потянулся через стол к бригадиру. — Ты давал Самоченкову квитанцию на картошку?

— Я.

— А где корешок?

Бригадир дёрнул бородой, расстегнул верхнюю пуговицу такого же, как у председателя, френча, и растерянно поводил глазами, смешно отвесив нижнюю губу.

— Ну при чём тут корешок, Матвей Матвеевич? — сказал председатель. — Мы же собрались не отчёт с бригадира спрашивать!

— А при том!.. У председателя сельсовета сдано три машины картошки... Да Иван Иуданович две машины сдал.

— Погодь, погодь! У меня есть огород или нет? — крикнул Иван Иуданович.

— Ты две свиньи за зиму выкормил...

— Матвей Матвеевич! Кто вам дал такое право? Вы сперва установите.

— Вот я и спрашиваю: где корешки квитанций?

Бригадир опять замотал головой, как взнузданная лошадь.

— Да не съели же их, — сказал председатель.

— Пропили! — Матвей Матвеевич обернулся к председателю. — У нас все премии водкой выплачиваются. Телятница Пузырёва чуть в навозной яме не утонула спяну. Это что, премия? А на молочной ферме гармонь купили... Это тоже премия? Цельными ночами наяривают напролёт. У возчика молока лошадь от этого веселья сдохла. А тебе всё без цели... Эх, Иван Ларивонович!

— Так ведь народ свой резон на всё имеет, — отбивался председатель. — Ты вот не пьёшь, а другой пьёт. Кто прав, кто виноват? Намедни племянница твоя замуж выходила — тебя

на свадьбу пригласили, а ты не пришёл. Это как же рассудить! Ты думаешь, характер показал? А народ вон по-другому рассудил. Нехорошее говорят про тебя на селе, что, мол, в гордость пошёл. И хуже того — философией занимается.

— Я сам в гости никого не приглашаю и к другим не хожу. Вот моя философия! А некоторые у нас не то что на дому — в правлении компании водят. На той неделе из колхоза «Ответ интервентам» приезжали?

— Соцсоревнование!

— Ага! На этом соцсоревновании пять ящиков водки выпили, пятьсот яиц съели да пятьдесят петушков. Вот чего стоил нам приезд «интервентов»!

— Ты меня «интервентами» не попрекай! Я на них в тот вечер половину своей зарплаты истратил, — кричит председатель.

— Ты лучше расскажи, как на своей персональной петушков в луга возил! Живую закусу! А всё компании!

— А у тебя в свинарнике тоже компания... Нечего говорить, — председатель багровеет и начинает загибать пальцы: — Сам ты животновод, жена и сестра — подручные твои, братья сторожами работают. Ты думаешь, никто не видит этого? Народ всё примечает. Вот, спроси хоть его! — председатель кулаком указывает на бригадира.

Тот уже давно был наготове:

— И спрашивать нечего. Всем известно, что семейственность развёл на свинарнике... Шайку!

— Кого? — Матвей Матвеевич встаёт и указывает перстом на бригадира, но обращается к председателю: — Пусть сейчас же извинение приносит! При всех...

— Подожди горячиться, Матвей Матвеевич!

— Прикажи ему извиниться!

— Да я что, начальник милиции? Не могу же я заставить народ думать по-своему или по-твоему. У нас как-никак демократия.

— Тогда нам не об чем говорить больше, — Матвей Матвеевич с грохотом отодвинул стул.

— Видишь ты какой! — покачал головой председатель. — Больно ты уж власть любишь. И к мнению чужому нетерпимость проявляешь.

— Я оскорблений не терплю! Обмана!..

— Ну давай говорить спокойно. Ты на свинарник как на вотчину смотришь. В прошлом году я послал к тебе телятника травы покосить возле фермы. Так ты его прогнал?

— Прогнал. Он мог поросят порезать косой-то...

— А как насчёт травы?

— Траву мы делим по сторожам.

— Вот, вот... По своим братьям.

— Так они же всего по сорок рублей в месяц получают.

— А за что ж им платить-то? Один глухой, второй безногий. Тоже сторожа,— хмыкнул бригадир.

— И то сказать, целый год ты, Матвей Матвеевич, двух лошадей в саду продержал,— вступился Иван Иуданович.— На свою потребу.

— Дак эти лошади подыхали в бригаде! Я их по весне с верёвок снял, сеном своим выхаживал... Корову свою продал, а лошадей колхозных спас. И вы теперь меня же обвиняете?

— Подумаешь, чем хвастается! Двух лошадей спас...— сказал бригадир.— Кабы ты ферму спас!

— Я требую извиниться передо мной!

— А я ещё добавлю — шайка и лейка! — опять хмыкнул бригадир.

— Возражений нет? — спросил Матвей Матвеевич, красный весь, торопливо перебегая глазами по членам правления.

Все молчали. Председатель только плечами пожал.

— Понятно. Поговорим в другом месте.— Матвей Матвеевич быстро вышел.

— Куда же вы?

— Самоченков, ну-ка пулей за ним!

Самоченков сорвался с места и выскочил на улицу, так и не надев шапки. Через минуту он вернулся, встал на своё место у порога, глаза опять в малахай:

— Не идёт. Говорит — сами ко мне придут.

— Вот характер!

— Трудно с ним работать...— председатель сострадательно посмотрел на правленцев.— И всё терпим...

— Что же мы запишем о Самоченкове? А, товарищи? С целью или без цели? — спросил, помолчав, председатель.

— Без цели! — дружно ответили правленцы.

— Так и запишем.

— Спасибо,— сказал, надевая малахай, Самоченков.— А насчёт этого я постараюсь... Оправдать то есть.